

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО В ОТНОШЕНИЯХ КНР С ГОСУДАРСТВАМИ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

К.С. Санин

Для Китая всегда был характерен высокий уровень исторического самосознания и повышенное внимание к изучению и описанию своего прошлого, о чём свидетельствует, в том числе, и развитая в этой стране традиция историографии¹. Традиционно, к древности обращались как к периоду идеальных государственных и общественных порядков, восстановление которых представлялось главной задачей правителей страны. Кроме того, исторические описания служили для таких целей, как получение опыта из событий прошлого, создание образов положительных и отрицательных национальных героев, утверждения собственной идентичности и места в истории, а также для обоснования прав на преемственность.

Исторические сюжеты, помимо официальных и научных трудов по истории, также присутствуют в произведениях китайской культуры разных периодов. На протяжении многих столетий эти сюжеты сохранялись и распространялись рассказчиками среди простого населения. В древнем Китае исторические события и сюжеты были широко представлены, прежде всего, в произведениях песенно-повествовательного жанра, которые в современном Китае называются цюй-и. Народные сказители – шошуды – в своих выступлениях рассказывали про-

стым людям сказы и истории о событиях прошлого и пользовались большой популярностью². Естественно, истории такого рода не способствовали появлению у слушателей целостной картины исторического прошлого, а только создавали общее представление о наиболее значимых его событиях. В настоящее время самые популярные исторические сюжеты широко известны в китайском обществе и время от времени встречаются в официальных выступлениях китайских политиков.

Развитие исторического нарратива в современной КНР

История и её интерпретации приобретают особую значимость в период радикальных политических перемен и перехода от одного состояния к другому. В связи с меняющейся обстановкой правящий режим может подбирать новые подходы для истолкования исторических событий и легитимации собственной власти. Так после основания КНР маоистское правительство выстраивало описание истории страны вокруг новых для того времени тем классово-вой борьбы и национального освобождения под руководством КПК. Начавшиеся в конце 1970-х годов экономические реформы и

¹ Доронин Б.Г. Историография императорского Китая XVII-XVIII вв. Отечественные исследования / Б.Г. Доронин. – СПб: Издательство: Филологический факультет СПбГУ, 2002. – С. 74. [Doronin B.G. Istoriografiia imperatorskogo Kitaia XVII-XVIII vv. Otechestvennye issledovaniia / B.G. Doronin. – Spb: Izdatel'stvo: Filologicheskii fakul'tet SPbGU <http://www.ozon.ru/brand/859418>, 2002. - S.74].

² Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. – М.: Вост. Лит., – 2006. [Т.3]: Литература. Язык и письменность / ред. М.Л. Титаренко и др., 2008. – С. 110–112. [Dukhovnaia kul'tura Kitaia: entsiklopediia: v 5 t. / gl.red. M.L. Titarenko; In-t Dal'nego Vostoka. - M.: Vost. Lit., - 2006. [Т.3]: Literatura. lazyk i pis'mennost' / red. M.L. Titarenko i dr., 2008. - S. 110-112].

общая либерализация серьезно подорвали главные идеологические основы коммунистического режима: веру в социализм, в марксизм и в Партию. В дополнение к ним уже в период правления Дэн Сяопина всё больше на первый план стал выдвигаться китайский национализм. При этом в отличие от времени правления Мао Цзэдуна, когда основное внимание уделялось победам и достижениям китайского народа под руководством КПК, национализм пост-маоистского периода строился прежде всего вокруг потерь и неудач, которые Китай претерпел за так называемый «век унижений», начиная с первой Опиумной войны 1839–1942 гг. и до основания КНР в 1949 г.

Инструментализация китайскими лидерами проблем исторического прошлого заметно проявилась после событий 1989 г. на площади Тяньаньмэнь. Дэн Сяопин так прокомментировал введение западными странами эмбарго против Китая: «Как китаец, я хорошо помню историю. Когда я слышу, что лидеры 7 западных стран ввели санкции против Китая, я сразу вспоминаю агрессию против Китая коалиции 8 держав в 1900г.»³. Введенными странами Запада и Японией санкции, очевидно, нельзя сравнить с военным вторжением, однако Дэн Сяопин провёл подобную аналогию для того, чтобы обосновать правоту действий китайской власти и осудить негативную реакцию на них из-за рубежа.

Развитию в 1990-х годах в КНР нарратива об истории притеснений Китая со стороны стран Запада и Японии способствовало то, что, во-первых, сложившаяся в XIX веке и основанная на доминировании Запада глобальная система международных отношений, в которой Китай был лишен своего былого великодержавного статуса, в значительной степени продолжала существовать к

концу XX века (к примеру, Гонконг оставался под британской юрисдикцией до 1997г.); во-вторых, несмотря на достаточно длительный период, прошедший после основания КНР, и видимые успехи политики реформ и открытости, Китай всё ещё оставался развивающимся государством и по основным показателям развития существенно уступал странам Запада, Японии и России, серьезное давление которых он испытал на себе в XIX – начале XX века. Таким образом, возрождение и развитие Китая видится китайским обществом и политическими элитами как процесс всестороннего наращивания мощи государства, исправления совершенных по отношению к Китаю несправедливостей, в том числе и восстановление контроля над утраченными территориями, и возвращение былого международного статуса.

История «века унижений» стала частью новой правительственной кампании в области образования и нашла свое отражение в научной и популярной литературе, выступлениях политиков и произведениях массовой культуры. Обычно эта история рассказывается в рамках традиционной историографии с перечислением войн, вторжений, неравноправных договоров и других подобных событий. Неравноправные договоры служат темой для исследования многих современных китайских авторов. Помимо отрицательной роли иностранных держав также подчеркиваются пороки тогдашних китайских правителей. Как говорится в одной из программных книг о «веке унижений»: «Никогда не забывайте национального унижения...». Вторжение империалистических держав в совокупности с тупостью и коррумпированностью реакционного правящего класса стали основой для катастрофы»⁴.

Из перечня ключевых событий «века унижений» можно сделать вывод, что к странам, к которым китайские авторы и исследователи имеют исторические претензии, относятся, прежде всего, Великобритания, Франция, Россия и Япония. При этом образ основного врага Китая постепенно смещается

³ Дэн Сяопин. Чжэнсин чжунхуа минцзу [Возрождение китайской нации] / интернет-версия «Жэньминь жибао». Режим доступа: <http://src.people.com.cn/GB/69112/69113/69684/69696/4950056.html> [дата обращения: 02.12.2014]. [Den Siaopin. Chzhensin chzhunkhua mintsu [Vozrozhdenie kitaiskoi natsii] / internet-versiia «Zhen'min' zhibao». Mode of access: <<http://src.people.com.cn/GB/69112/69113/69684/69696/4950056.html>>].

⁴ Чжоу Шань и Чжан Цюньбо. Гочи лу: Ту шо чжунхуа бай нянь [Свод национальных унижений] / Чжоу Шань, Чжан Цюньбо. – Ланьчжоу: Ганьсу циньнянь чубань шэ, 1997. – С.23.

с западного империализма к японскому. Концом «века унижений» официально принято считать основание Китайской Народной Республики, и избавление от последствий того периода призвано подчеркнуть принципиальное отличие нынешнего правящего режима от коррумпированных и некомпетентных властей Цинской династии и Гоминьдана и обосновать легитимность власти КПК.

Происходящее в настоящее время укрепление КНР в качестве региональной и глобальной державы привело к обострению территориальных споров с рядом стран Восточной Азии. В последние годы повышенное внимание привлекают обострившиеся конфликты за акватории и острова в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, которые имеют большую экономическую и военно-стратегическую ценность⁵. Исследование юридической стороны вопроса показывает полное отсутствие у КНР прав на эти острова и акватории, однако в современной КНР острова Сенкаку и Спратли изображаются как исторически неотъемлемая часть китайской территории⁶.

Территориальные споры Китая со странами Юго-Восточной Азии считаются непосредственно связанными с «историческим возрождением китайской нации», что демонстрирует комплексность и многогранность данной проблемы. В 1990-х годах наиболее острыми проблемами такого рода были Гонконг и Макао. Как сказал на церемонии по случаю возвращения Гонконга под китайскую юрисдикцию Председатель Цзян Цзэминь, «оккупация Гонконга была олицетворением унижения, которое претерпел Китай в новейшей истории»⁷. Возвращение этих территорий представлялось как значимый этап исторического возрождения

и снятие позора, понесенного от западных держав. Следовательно, в рамках подобного понимания территориальных конфликтов, КНР не может позволить себе уступки в спорах за острова и акватории в Восточно-китайском и Южно-китайском море. В XIX веке Китай потерял лицо, позволив отторгнуть от себя территории, которые он считал своими, и, по мнению китайского общества и руководства КНР, подобное не должно повториться в период «исторического возрождения», тем более в конфликте со странами, которые исторически входили в сферу влияния китайской империи.

Историческое сознание в международных отношениях

Вся совокупность исторических мифов, оценок, идей, взглядов, настроений и интерпретаций исторических событий, которые наиболее распространены в обществе, называется историческим сознанием⁸. Особое историческое сознание характерно как для общества и государства в целом, так и для различных социальных и этнических групп. Таким образом, на основании общих представлений о прошлом обеспечивается осознание людьми связи между поколениями и своей принадлежности к определённой исторической общности (нации, государству).

Историческое сознание охватывает широкий круг знаний и представлений, которые находят свое выражение в ряде исторических стереотипов, которые можно описать как упрощенные и устоявшиеся представления о наиболее значимых исторических явлениях и событиях, которые считаются определяющими для исторического пути и получают наибольшее внимание. Через исторические стереотипы национальное историческое сознание воздействует на то, как общество определяет свои интересы во внутренней и внешней политике. Так как

⁵ Billo, Andrew. Co-operate and Share: A Way to Peace in the South China Sea/A. Billo// Global Asia, 2013, Vol.8., №3. – Pp. 72-75.

⁶ Наньшачюньдао ши Чжунго линту бужунчжи [Острова Спратли, несомненно, являются частью Китая]. Жэньминь жибао. 8 июня 2011 г.

⁷ Цзян Цзэминь. Сянган хуэйгуй цзянхуа [Выступление Цзян Цзэминя по случаю возвращения Гонконга]. Режим доступа: www.youtube.com/watch?v=Xb5KsMbjR2U [дата обращения: 12.12.2014].

⁸ Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния / Ж.Т. Тощенко // Новая и новейшая история. – 2000. – №4. – С. 26–42. [Toshchenko Zh.T. Istoricheskoe soznanie i istoricheskaiia pamiat'. Analiz sovremennogo sostoianiiia / Zh.T. Toshchenko // Novaia i noveishaia istoriia. - 2000. - №4. - S. 26-42].

интересы общества являются составной частью национальных интересов, и политическая элита ссылается на них для обоснования государственной политики, то стереотипы можно рассматривать в качестве связующего звена между историческим сознанием и государственной политикой.

В вопросах международных отношений знания о наиболее важных для страны событиях исторического прошлого вместе с оценками этих исторических явлений влияют на развитие общих внешнеполитических взглядов. Исторические стереотипы в отношении иностранных государств служат одним из оснований для появления внешнеполитических стереотипов, которые охватывают наиболее важные черты государства⁹. К таким чертам следует отнести общепризнанные границы, мощь государства, характер его отношений с другими странами (дружественность, враждебность), способ ведения внешней политики, доминирующую систему ценностей¹⁰. Исторические стереотипы – это не единственное, что определяет образ страны в международной политике. Внешнеполитические стереотипы неоднородны и сочетают в себе элементы трех исторических периодов – видение истории взаимоотношений, оценка современного положения дел и прогноз развития международных отношений в будущем. Исторические стереотипы служат одной из составляющих внешнеполитических стереотипов, при этом они взаимодействуют с видением современного положения дел и ожиданиями на будущее. Если учесть зависимость исторических стереотипов от современного положения дел и современных потребностей, то можно сделать вывод, что и во внешнеполитических стереотипах вопросы истории

⁹ Межкультурная коммуникация и международный культурный обмен: учеб. пособие / Н. М. Боголюбова, Ю. В. Николаева. – СПб.: Издательство «СПбКО», 2009. [Mezhkul'turnaia kommunikatsiia i mezhdunarodnyi kul'turnyi obmen: ucheb. posobie / N. M. Bogoliubova, Iu. V. Nikolaeva. – SPb.: Izdatel'stvo «SPbKO», 2009].

¹⁰ Зак Л.А. Западная дипломатия и внешнеполитические стереотипы / Л.А. Зак. – М: Изд. Междунар. Отношения, 1976. – С. 35–73. [Zak L.A. Zapadnaia diplomatiia i vneshnepoliticheskie stereotipy / L.A. Zak. – M: Izd. Mezhdunar. Otsheniia, 1976. – S. 35-73].

играют второстепенную роль.

Характерной особенностью инструментализации политическим руководством КНР исторических стереотипов является избирательность. Такой подход объясняется стремлением китайских лидеров поставить проблемы исторического прошлого на службу современным государственным интересам КНР. Интересы государства включают в себя стремление к безопасности от внешних угроз, расширению сферы внешнеполитического влияния, экономическому развитию, а также определяются видением правящей политической элитой потребностей и целей государства. Таким образом, государственные интересы подвержены изменениям, связанным со сменой правящей элиты или с изменением международной обстановки. В зависимости от изменения понимания руководством КНР китайских государственных интересов меняется и подход к различным проблемам исторического прошлого с соседями.

Проблемы истории в отношениях КНР с СССР/Россией и Японией

Связь между меняющимся пониманием государственных интересов КНР представителями её политической элиты с проводимой государством внешней политикой и инструментализацией исторических стереотипов демонстрируется на примере политики КНР в отношении Советского Союза в 1950-1970-х годах. После образования КНР в 1949г. китайское руководство могло бы извлечь выгоду, заняв балансирующую позицию между СССР и США, не примыкая ни к одному из противоборствующих блоков. Такая позиция была бы выгодна КНР из геополитических соображений, но враждебная в то время по отношению к режиму КПК позиция США заставила руководство КНР поставить идеологический фактор выше геополитического, и КНР в начале 1950-х полностью встал на сторону СССР в глобальном противостоянии. В тот период внешний фактор (США) способствовали сближению Китая с СССР и падению интереса к историческим проблемам двусторонних отношений. Однако впоследствии Китай не стал довольствоваться положением младшего партнера СССР и

стал позиционировать себя в качестве лидера мирового коммунистического движения, обвинив при этом СССР в ревизионизме и социал-ревизионизме. Представление маоистской политической элиты о том, что КНР верно следует коммунистическому курсу и тем самым отличается от «ревизионистского» СССР обуславливало враждебное отношение к Советскому Союзу.

В условиях формирования враждебного образа СССР в Китае, негативные исторические стереотипы о России активизировались и стали занимать более важное место во внешнеполитическом стереотипе о России/СССР. Негативный исторический образ России как государства, которое отторгло от императорского Китая громадные территории на северо-западе, полностью соответствовал современному на тот момент сверхдержавному образу СССР. Военное превосходство СССР над КНР дало повод китайскому руководству представить Советский Союз как военную угрозу Китаю. В условиях, когда СССР вместе с США занимали доминирующее положение в системе международных отношений и превосходили другие страны по совокупной мощи, маоистский тезис о советском социал-ревизионизме подкреплялся историческим стереотипом об оккупации царской Россией китайских земель. Можно заключить, что стремление Мао Цзэдуна и его политической элиты превратить Китай в лидера революционного движения привело к ухудшению отношений с Советским Союзом и возрождению негативного исторического стереотипа о России/СССР. Недружественное отношение маоистского правительства к Советскому Союзу подтверждало тезис о противостоянии революционного Китая и «ревизионистского» СССР и тем самым способствовало сплочению народных масс вокруг идей Мао Цзэдуна. В конце 1960-х ухудшение двусторонних отношений привело к советско-китайскому территориальному конфликту и вооруженному столкновению на острове Даманском.

Изменение государственной идентичности и понимания интересов государства наиболее явно проявляется в изменении внешней политики в отношении соседних государств. Отход Китая от маоистской

идеологии и начало политики реформ и открытости после 1978г. привело к пересмотру китайским руководством роли КНР в мире. Китай продолжал оставаться на анти-советских позициях, однако уже с 1979г. предпринимались попытки двустороннего урегулирования советско-китайских отношений. При этом в качестве основных препятствий для нормализации отношений китайская сторона называла поддержку Советским Союзом вьетнамской интервенции в Камбодже, вторжение СССР в Афганистан и размещение советских войск в Монголии. После того, как советское руководство в конце 1980-х устранило все перечисленные препятствия для нормализации советско-китайских отношений, был решен и приграничный вопрос, связанный с историческими притязаниями китайцев на советские территории. Таким образом, уже в 1980-х годах, в условиях сохранения прежнего соотношения сил между СССР и КНР и общего биполярного миропорядка, благодаря изменению образа КНР среди китайских политических элит, стало возможно улучшение советско-китайских отношений. Смена представления политической элиты о месте государства в системе международных отношений наиболее явно проявляется в изменении внешней политики государства по отношению к соседям.

Таким образом, исторические стереотипы в отношении иностранных государств в разной степени проявляются при формировании внешнеполитических стереотипов. В зависимости от современного международного контекста они могут активно проявляться во внешней политике государства или, наоборот, быть вытесненными из внешнеполитического дискурса, что в настоящее время наиболее ярко демонстрируется на примере позиции КНР по проблемам исторического прошлого в отношениях с Россией и Японией. История отношений Китая с двумя этими государствами содержит схожие моменты и дает повод для недружественного отношения и территориальных претензий. Вместе с тем, современное состояние двусторонних отношений между КНР и Россией сильно отличается от того, как обстоят дела в отношениях между КНР

и Японией. В отличие России, официальное отношение китайских правящих кругов к Японии характеризуется повышенным вниманием к вопросам истории, которые играют важную роль в осложнении отношений между двумя странами.

В настоящее время в КНР распространяется целый ряд изданий, фактически отражающих официальное толкование характера российско-китайских отношений. Согласно современной китайской концепции российско-китайских отношений, вся история отношений Китая с Россией и СССР делится на периоды «равноправных» и «неравноправных» отношений. В изданиях, публикация которых санкционируется китайскими властями, вся история двусторонних отношений с конца XVII до конца XX века изображается как постоянный агрессивный натиск России на Китай, который на протяжении последних 150 лет находился в подчиненном положении и утратил огромные территории на севере. И только в начале XXI века после распада СССР и долголетнего укрепления КНР стало возможным установить равноправные отношения между двумя странами.

Современная китайская историография оценивает политику Российской империи и СССР по отношению к Китаю достаточно негативно. Все договоры с Россией/СССР, заключённые начиная с 1858г., объявляются «неравноправными» и ставятся в один ряд с договорами, которые ослабленная Цинская империя заключала с европейскими государствами и Японией после начала первой Опиумной войны (1839-1842гг.) в условиях подавляющего военного превосходства иностранных держав и которые обязывали Китай к территориальным и прочим уступкам. Неодобрительно в КНР смотрят и на всю последующую политику царской России в Китае в конце XIX- начале XX вв¹¹.

¹¹ Галенович Ю.М. Россия в китайском зеркале. Трактовка в КНР в начале XXI века истории России и русско-китайских отношений / Ю.М. Галенович – М.: Восточная книга, 2011. – С. 215–229. [Galenovich Ju.M. Rossiia v kitaiskom zerkale. Traktovka v KNR v nachale XXI veka istorii Rossii i rusko-kitaiskikh otnoshenii / Ju.M. Galenovich. - M.: Vostochnaia kniga, 2011. - S. 215-229].

Совсем по-другому интерпретируют этот этап двусторонних отношений российские авторы. По мнению российских исследователей, Россия в XIX в. воспользовалась ослаблением Цинской империи для развития трансграничных торгово-экономических связей, что отвечало общественным интересам обеих государств. Кроме того, заключение Айгунского и Пекинского мирных договоров закрыли доступ в Амур для третьих стран и сняли возможность эскалации российско-китайских отношений. Продвижение российского государства на Восток и укрепление им своих позиций на Амуре носило комплексный характер и не может рассматриваться исключительно как проявление военно-политического давления на Китай¹².

Следует отметить, что современные китайские концепции воспроизводят традиционно принятые в Китае оценки территориального разграничения с Россией. В XIX в. цинские власти изначально с неприятием воспринимали любые территориальные уступки по отношению к России и договора, которые эти уступки устанавливали. После подписания Айгунского договора правительство Цинской империи отказывалось его ратифицировать и предприняло ряд военных мероприятий в Уссурийском крае, который тогда ещё имел статус российско-китайского двустороннего condominiuma. Только в условиях осады Пекина англо-французскими войсками и при российском посредничестве между воюющими сторонами, китайские власти согласились на подписание Пекинского договора, согласно которому, среди прочего, утверждались все положения Айгунского договора. Таким образом, согласие властей Цинской империи на принятие российских условий по проведению границы было получено в результате военного давления, которое, правда, оказывалось не Россией, а со

¹² Воскресенский А.Д. Современные концепции русско-китайских отношений и погранично-территориальных проблем в России и в Китае (1980–1990 гг.) / А.Д. Воскресенский; Рос. науч. фонд. – Москва, 1994. – С. 23–26. [Voskresenskii A.D. Sovremennye kontseptsii rusko-kitaiskikh otnoshenii i pogranichno-territorial'nykh problem v Rossii i v Kitae (80-90 gg.XX v.) / A. D. Voskresenskii ; Ros. nauch. fond. - Moskva, 1994. - S. 23-26].

стороны англо-французских коалиционных войск. Точно также, цинские власти Китая с нежеланием шли на уступки России при проведении межгосударственной границы в Центральной Азии. Заключенный в 1879г. российско-китайский Ливадийский договор был пересмотрен под угрозой возможного возникновения антирусского китайско-британского союза, и в результате Пекинский договор 1881г. оказался значительно более выгодным для Китая.

Негативное отношение к договорам о границах с Россией сохранялось в Китае в республиканский период (1912–1949 гг.) и перешло вместе с властью Гоминдана на Тайвань. Решения о демаркации российско-китайской границы в XIX в. считались крайне неоднозначными, и документы, связанные с этими событиями хранились засекреченными до 2007 г. В книге, выпущенной Музеем императорского дворца Тайбэя по случаю обнаружения исторических карт и договоров, установление российско-китайской границы на Дальнем Востоке и в Центральной Азии описывается как утрата исторического масштаба, которую понес Китай. Тайваньские историки утверждают, что Россия, пользуясь ослаблением Китая и его внутренними волнениями, бесосновательно и под ложными предлогами отторгла от китайского государства полтора миллиона квадратных километров территории на северо-западе. То есть, даже на Тайване, где всё меньше людей ощущают свою принадлежность к китайской нации, общие взгляды на историю российско-китайских отношений совпадают с теориями китайских националистов, выработанными в период правления Гоминьдана и принятыми в настоящее время в КНР.

В наше время в КНР внешняя политика Советского Союза описывается также в темных тонах. В изданной в 2007г. Академией общественных наук КНР книге о Второй мировой войне СССР представляется в образе одного из виновников войны. По мнению автора, СССР также «оккупировал» Курилы, а утверждение на Ялтинской конференции решения о признании государственного суверенитета Внешней Монголии описывается как «мюнхенский сговор» в отношении Китая. В издаваемых в КНР

учебных пособиях для вузов китайская политика Российской империи и СССР описывается исключительно как враждебная Китаю¹³. «Неравноправным» объявлен даже советско-китайский договор о дружбе и сотрудничестве 1950 г.¹⁴.

В настоящее время, проблемы исторического прошлого в российско-китайских отношениях обсуждаются лишь на уровне экспертного сообщества и полностью игнорируются на официальном уровне двусторонних отношений. Как китайские, так и российские руководители характеризуют отношения РФ и КНР как партнерские и добрососедские. Вопрос о восточном участке российско-китайской границы считается улаженным с 2006г.¹⁵, и власти КНР не говорят даже об исторической принадлежности Китаю территорий к северу от Амура, как это было в 1960-х годах¹⁶.

Современное взаимодействие России и Китая отличается высокой динамикой развития, активными связями на всех уровнях власти. Двусторонние отношения строятся

¹³ Пэнь Синьхоу. Ди эр ци шицзе дачжань мивэнь [Неизвестные страницы Второй мировой войны] – Пекин: Бэйхуа Чубаньшэ, 2007. – С. 75–110.

¹⁴ Тихвинский С.Л. Восприятие образа России в Китае: введение к историческому обзору / С. Тихвинский // Проблемы Дальнего Востока. – 2008. – №1. – С. 86–94. [Tikhvinskii S.L. Vospriatie obraza Rossii v Kitae.: vvedenie k istoricheskomu obzoru / S. Tikhvinskii // Problemy Dal'nego Vostoka. - 2008. - № 1. - S. 86-94].

¹⁵ Элосы лянбан гайкуан. Юй Чжунго гуаньси [Общее описание России. Отношения с Китаем]. ВСНП КНР. Режим доступа: http://www.npc.gov.cn/npc/wyzzy/cfhgjh/2013-09/11/content_1806393_7.htm [дата обращения: 12.04.2015].

¹⁶ Заявление Правительства КНР от 8 октября 1969г.: «Китай не требует возврата территорий, аннексированных царской Россией». – Цит. по Воскресенский А.Д. Современные концепции русско-китайских отношений и погранично-территориальных проблем в России и в Китае (80–90 гг. XX в.) / А. Д. Воскресенский; Рос. науч. фонд. – Москва, 1994. – С. 10. [Voskresenskii A.D. Sovremennye kontseptsii russko-kitaiskikh otnoshenii i pogranično-territorial'nykh problem v Rossii i v Kitae (80-90gg. XXv.) / A. D. Voskresenskii; Ros. nauch. fond. - Moskva, 1994. - S. 10].

на принципах, выраженных в Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве от 2001г, в котором, в том числе, указывается на отсутствие взаимных территориальных претензий¹⁷. Несмотря на относительно небольшой масштаб двусторонних экономических связей, российско-китайское взаимодействие в политической сфере и сфере обеспечения безопасности находится на высоком уровне. На глобальном уровне стороны выражают схожую позицию по целому ряду актуальных вопросов, демонстрируют единые подходы по принципиальным вопросам мировой политики. Единство позиций по ключевым международным проблемам основывается на неприятии американского гегемонизма и однополярного мироустройства и находит выражение в многих совместных декларациях и меморандумах¹⁸. Помимо взаимодействия в двустороннем формате, Россия и Китай на глобальном уровне развивают сотрудничество в рамках таких многосторонних организаций, как БРИКС и ШОС.

Можно констатировать, что история российско-китайских отношений в том виде, как она интерпретируется китайскими деятелями, прошлыми и современными, дает много оснований для негативного восприятия России в Китае, а также для выдвигания властями КНР официальных территориальных претензий к России. Тем не менее, этого не происходит, и двусторонние отношения в целом развиваются в положительном ключе.

¹⁷ Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 16 июля 2001 г. Сборник российско-китайских документов. 1999–2007 гг. – М., 2007. – С. 143–152. [Sbornik rossiisko-kitaiskikh dokumentov. 1999–2007 gg. - M., 2007. - S.143-152].

¹⁸ Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики от 26 марта 2007 г. Сборник российско-китайских документов. 1999–2007 гг. – М., 2007. – С. 491–502; Совместное заявление Президента Российской Федерации и Председателя Китайской Народной Республики по вопросам противоракетной обороны от 18 июля 2000 г. Сборник российско-китайских документов. 1999–2007 гг. – М., 2007. – С. 75–78. [Sbornik rossiisko-kitaiskikh dokumentov. 1999–2007 gg. - M., 2007. - S. 491–502; Sbornik rossiisko-kitaiskikh dokumentov. 1999–2007 gg. - M., 2007. - S.75-78].

Совсем другая ситуация сложилась в отношении Китая к Японии. Проблемы исторического прошлого занимают важное место в современной повестке китайско-японских отношений. На доводах исторического характера строятся территориальные претензии КНР к Японии, на острова и акватории в Восточно-китайском море.

Следует учитывать, что проблемы исторического прошлого в отношениях с Японией, которые в последние 10–15 лет стали занимать одно из центральных мест в китайско-японских отношениях, далеко не всегда удостоивались внимания китайского руководства. После Второй мировой войны Япония, как и большинство стран в то время продолжала считать режим Гоминдана легитимным правительством Китая и в 1952г. подписала мирный договор с Китайской республикой на Тайване, что делало невозможным налаживание официальных отношений с КНР. Однако при посредничестве общественных и коммерческих организаций китайско-японское взаимодействие активно развивалось, и в середине 1950-х гг. Япония стала крупнейшим экономическим партнером Китая среди стран, не входящих в социалистический лагерь. По мере осложнения советско-китайских отношений, Пекин налаживал связи с Японией, для которых в качестве основы было выбрано экономическое сотрудничество и идеи паназиатизма. Особым явлением в этой связи было приглашение в 1956г. бывших высокопоставленных чинов японской императорской армии на прием в Китай на высшем уровне. КПК стремилась наладить отношения с Японией для получения доступа к японским капиталами и технологиям, и в качестве идеологической основы для сближения КНР с Японией использовалась культурная общность двух восточноазиатских стран и противопоставление СССР и США как двум мировым гегемонам.

Наиболее успешный период в китайско-японских отношениях пришелся на 1980-е годы, когда Япония принимала активное участие в экономической модернизации КНР и на протяжении долгого времени оставалась крупнейшим поставщиком промышленных поваров в КНР и импортёром китайского сырья. Общая в то время для КНР и Японии антисоветская направленность спо-

способствовала выработке совместной внешнеполитической позиции по актуальным для того времени вопросам безопасности в Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии. Впоследствии, после событий 1989 г. на площади Тяньаньмэнь, когда западные страны ввели санкции против КНР, Япония была первой из стран G7, полностью возобновившей сношения с Китаем¹⁹.

Однако даже в самые благоприятные для китайско-японских отношений 1980-е годы, двусторонние связи осложнились историческими проблемами. В 1985 г. посещение премьер-министром Японии храма Ясукуни, где почитаются погибшие японские воины, в том числе и те, которые после китайско-японской войны 1937–1945 гг. были признаны военными преступниками, вызвало значительное негодование в Китае. Возмущение китайцев из-за публичного почитания официальными лицами Японии военного прошлого страны выражалось как в официальных заявлениях китайских политиков, так и в массовых антияпонских демонстрациях. В середине 1980-х годов поводом для двусторонних конфликтов на высшем уровне также были издаваемые в Японии учебники истории и высказывания японских официальных лиц о роли Японии во Второй мировой войне. Кроме того, в 1987 г. дипломатические протесты Пекина вызвало решение японского суда оставить старое китайское общежитие в Токио в собственности Китайской Республики (Тайвань)²⁰.

Отношения между КНР и Японией на современном этапе известны своей неоднозначностью и сочетают высокую степень сотрудничества и взаимного неприятия. Основой для китайско-японских отношений служит торгово-экономическое сотрудничество и контакты на уровне граждан. Наряду с США и Южной Кореей Япония входит в тройку крупнейших торговых партнеров КНР. Общий объем японских инвестиций в экономику КНР рос вплоть до 2012 г., и сей-

час, несмотря на некоторое снижение инвестиционной активности, Япония остается одним из основных партнеров КНР в данной сфере. Начиная с 2012 г. КНР, Япония и Южная Корея ведут переговоры о создании совместной зоны свободной торговли. Кроме того, современная японская культура пользуется большой популярностью в Китае; количество китайских туристов, посещающих Японию, постоянно растет²¹.

Тем не менее, все положительные моменты в отношениях между странами в настоящее время не ослабляют остроту претензий исторического характера, которые КНР предъявляет Японии. Так, например, бывший Председатель Госсовета КНР Вэнь Цзябао выделял решение исторических вопросов как одно из важнейших направлений в развитии отношений с Японией²². Правительство КНР требует от Японии официального признания вины за развязывание агрессивной войны против Китая и других стран Восточной Азии в 1937–1945 гг. К отдельным вопросам исторического прошлого двусторонних отношений, которые официальные представители КНР поднимают наиболее часто, следует отнести требования к Японии признать ответственность за Нанкинскую резню 1937 г., издание в Японии учебников, в которых приуменьшаются или замалчиваются преступления японской армии в ходе Второй мировой войны, а также посещение японскими политиками храма Ясукуни, в котором поклоняются японским воинам, погибшим в ходе войн, которые вела Япония²³.

²¹ Khoo, N. The false promise of economic interdependence: Chinese foreign policy in North East Asia. ed. Tan, A.T.H. East and South-east Asia. International relations and security perspectives. - 2013.- Routledge.- Pp. 47-56.

²² Чжао Хунвэй. Японо-китайские отношения и внешняя политика Ху Цзиньтао / А.В. Лукин Япония в Восточной Азии: внутреннее и внешнее измерения – М.: МГИМО-Университет, 2010. – С. 177–204. [Chzhao Khunvei. Iaponokitaiskie otnosheniia i vneshniaia politika Khu Tszin'tao / A.V. Lukin Yaponia v Vostochnoi Azii: vnutrennee i vneshnee izmereniia - M.: MGIMO-Universitet, 2010. - S.177-204].

²³ Чжунжи цзянь миньгань вэньти [Чувствительные проблемы в отношениях Китая и Японии]. Синьхуа. Режим доступа: <http://news.xinhuanet>.

¹⁹ Shambaugh, David. China Engages Asia. Reshaping the Regional Order // International Security. Winter 2004/05. - Vol. 29, No. 3. - P.66.

²⁰ Lai Yew Meng. Nationalism and Power Politics in Japan's Relations with China: A Neoclassical Realist Interpretation / Lai Yew Meng.- Routledge, 2013. - Pp. 50-51.

Китайская дипломатия продолжает уязвлять вопрос признания Японией своей вины за Вторую мировую войну со стремлением этой страны стать постоянным членом Совета безопасности ООН и с её намерениями пересмотреть свое отношение к современной роли собственных вооруженных сил. Обращённые к Японии требования исторического характера находят поддержку Южной Кореи и используются китайскими дипломатами в качестве инструмента для выработки общей позиции с другими восточноазиатскими государствами в отношении Японии. По словам официальных представителей КНР, «Япония должна правильно понимать историю и должным образом подходить к ней, (...) не совершать ничего, что могло бы задеть чувства народов Китая и других соответствующих азиатских стран»²⁴. Из этого заявления следует, что современная политика Японии оценивается Китаем как выражение её признания или непризнания своей вины за действия, совершенные в ходе Второй мировой войны, и такой взгляд, по мнению китайской дипломатии, характерен для других стран Восточной Азии.

Обзор китайских публикаций на тему истории международных отношений показывает, что китайское историческое сознание содержит негативные исторические стереотипы в отношении обеих стран. Как Россия, так и Япония воспринимаются, по крайней мере отчасти, как страны, совершившие в прошлом агрессию против Китая и захватившие некоторые китайские территории. Однако в отношении Японии, отрицательные исторические стереотипы составляют часть современных внешнеполитических стереотипов и определяют внешнюю политику КНР в отношении данной страны. При этом, важность Японии как торгово-экономического партнера КНР создает для китайских политических элит необходимость сдерживать радикальное проявление антияпонских на-

строений в китайском обществе, вызванных воздействием негативных исторических стереотипов.

В отношении России также существуют крайне враждебные исторические стереотипы, при этом они не подавляются усилиями государства; официальные лица КНР не препятствуют распространению таких стереотипов в обществе и относятся к ним в целом индифферентно. В сфере межгосударственных отношений отрицательный исторический стереотип в настоящее время полностью вытесняется современным восприятием Российской Федерации в качестве ключевого глобального и регионального партнера КНР. На официальном сайте ВСНП КНР в перечне важных событий истории КНР отсутствует упоминание приграничных конфликтов с СССР, но в положительном тоне упоминается советско-китайский союзный договор, который многими современными китайскими авторами оценивается как неравноправный по отношению к Китаю²⁵. Положительное восприятие России (по крайней мере, декларируемое) сейчас преобладает, несмотря на относительно невысокий (в сравнении, например, с Японией) уровень торгово-экономического сотрудничества и культурных контактов. Если посмотреть на историю советско/российско-китайских и китайско-японских отношений, начиная с образования КНР, то очевидно, что такое положение дел было не всегда, и степень влияния исторических стереотипов на общие внешнеполитические стереотипы постоянно менялась. Причины этому явлению следует искать в изменении контекста, т.е. внутривосточной и, прежде всего, внешнеполитической обстановки.

Во-первых, следует упомянуть проблему восприятия общественностью определенных исторических интерпретаций. Победа в войне с Японией имеет большое значение для обоснования легитимности правящей КПК, которая сложилась в мощную политическую силу в ходе войны с Японией и Гоминданом,

com/ziliao/2005-04/07/content_2797898.htm [дата обращения: 12.04.2015].

²⁴ Вайцзяобу фаяньжэнь Цзян Юй цзинсин цзичжэуэй [Пресс-секретарь МИД Цзян Юй проводит пресс-конференцию]. ВСНП. 17 февраля 2009. Режим доступа: <http://sy.chineseembassy.org/chn/fyrth/t537716.htm> [дата обращения: 12.04.2015].

²⁵ Тихвинский С.Л. Восприятие образа России в Китае.: введение к историческому обзору / С. Тихвинский // Проблемы Дальнего Востока. – 2008. – № 1. – С. 86–94. [Tikhvinskii S.L. Vospriatie obraza Rossii v Kitae.: vvedenie k istoricheskomu obzoru / S. Tikhvinskii // Problemy Dal'nego Vostoka. - 2008. - №1. - S. 86-94].

и победа над японским милитаризмом всегда считалась одной из важнейших заслуг Партии перед страной. На основе общих подходов к пониманию истории Второй мировой войны КНР и Южная Корея выступают с совместными требованиями к Японии пересмотреть свое отношение к истории. Но если представить японский милитаризм в качестве главного врага китайской нации и других народов Восточной Азии, то СССР/Россия как один из победителей Японии должна изображаться в данном контексте в положительном свете.

Второй важный фактор, определяющий степень присутствия исторических стереотипов во внешней политике государства, — это государственная идентичность, понимание политической элитой государственных интересов, а также ограничения, накладываемые глобальным контекстом, т.е. международной обстановкой. В настоящее время внутри политической элиты и экспертного сообщества КНР нет однозначного мнения относительно государственной идентичности Китая и общего направления мирового развития. Преобладает мнение о том, что Китай усиливается в качестве региональной державы и постепенно укрепляется на глобальном уровне²⁶. Возрождение Китая в качестве сильнейшей державы Восточной Азии предполагает усиление китайского влияния на страны региона (Россия традиционно среди них не числилась) и конкуренцию с Японией за лидерство в интеграционных проектах. Укрепление глобальных позиций Китая может, по мнению специалистов в области международных отношений, привести к обострению отношений и столкновению с Соединенными Штатами, которые в настоящее время занимают доминирующее положение в мире. Среди китайских специалистов по внешней политике преобладает мнение, что США на данном этапе способствуют мировой стабильности, но при этом подминают под себя международные институты, вроде МВФ. Следовательно, КНР выгодно участие в новых глобальных и региональных интеграционных проектах, таких как ШОС и БРИКС, в рамках кото-

рых Китай активно развивает свое сотрудничество с Россией²⁷. В настоящий период времени наблюдается сходство интересов России и Китая как на региональном, так и на глобальном уровне²⁸. Сотрудничество двух государств носит антиамериканскую направленность и основано на совместном неприятии однополярного миропорядка²⁹ и роли США в качестве единственной сверхдержавы. Таким образом, глобальный контекст и государственная идентичность КНР способствуют соперничеству с Японией и негативным оценкам японской истории и современной внешней политики. Как и в конце XIX века внешний фактор способствует улучшению российско-китайских отношений³⁰. Исторические разногласия Китая с Россией в настоящее время полностью закрываются потребностью в сотрудничестве на глобальном уровне и отсутствием российско-китайских противоречий в Восточной Азии.

²⁷ Лавров С. сотрудничество РФ и Китая становится все более весомым фактором мировой политики. ТАСС. 7.04.2015. Режим доступа: <http://tass.ru/politika/1884507> [дата обращения: 9.04.2015]. [S. Lavrov: sotrudnichestvo RF i Kitaia stanovitsia vse bolee vesomym faktorom mirovoi politiki. TASS. 7.04.2015. Mode of access: <http://tass.ru/politika/1884507>].

²⁸ Воскресенский А.Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений / А.Д. Воскресенский. — М., 1999 — С. 257–260. [Voskresenskii A.D. Rossiia i Kitai: teoriia i istoriia mezhgosudarstvennykh otnoshenii / A.D. Voskresenskii. - M., 1999 - S. 257-260].

²⁹ Пекинская декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики от 18 июля 2000 г. / Сборник российско-китайских документов. 1999–2007 гг. — М., 2007. — С. 69–75; Российско-китайское совместное заявление от 9 декабря 1999г. по актуальным проблемам современной международной обстановки. / Сборник российско-китайских документов. 1999–2007 гг. — М., 2007. — С. 25–32. [Sbornik rossiisko-kitaiskikh dokumentov. 1999-2007 gg. - M., 2007. - S. 69-75; Sbornik rossiisko-kitaiskikh dokumentov. 1999-2007 gg. - M., 2007. - S. 25-32].

³⁰ Ивасита Акихиро. 4000 километров проблем. Российско-китайская граница: пер. с яп. / Ивасита Акихиро. — Москва: АСТ: Восток-Запад, 2006. — С. 19. [Ivasita Akikhiro. 4000 kilometrov problem. Rossiisko-kitaiskaia granitsa: per. s iap. / Ivasita Akikhiro. - Moskva: AST: Vostok-Zapad, 2006. - S. 19].

²⁶ Zhu Liqun. China's Foreign Policy Debates. / Zhu Liqun. - Corlet Imprimeur, 2010. - Pp. 21-29.

Однако анализ изменения позиции руководства КНР по проблемам исторического прошлого во внешней политике показывает, что в случае изменения международной конъюнктуры и значительного расхождения

государственных интересов России и Китая, от китайской стороны следует ожидать возобновления претензий исторического характера.

Проблемы исторического прошлого в отношениях КНР с государствами Восточной Азии

Константин Алексеевич Санин, выпускник магистратуры МГИМО (У) МИД РФ.

Аннотация. Проблемы исторического прошлого в отношениях между государствами в настоящее время становятся одним из значимых вопросов мировой политики, в том числе и в Восточной Азии. Китай имеет тысячелетнюю традицию использования истории для формирования современности и решения внутривосточных и внешнеполитических задач. Анализ позиции КНР по вопросам истории отношений с соседями показывает, что китайское политическое руководство прагматично использует проблемы исторического прошлого для реализации государственных интересов Китая в регионе.

Ключевые слова: Китай, Россия, Япония, историческое прошлое, территориальный конфликт.

Historical problems in the relations between the PRC and the countries of East Asia

Konstantin Alekseevich Sanin, M.A. graduate of MGIMO-University.

Abstract. Historical problems nowadays have become one of the major factors of international relations. It is also the case for East Asia. In China, there has been an ancient tradition of applying history for the needs of modernity, in order to resolve the objectives of domestic and foreign policy. The analysis of the PRC's position on historical problems with its neighbors demonstrates that the Chinese leadership pragmatically uses historical problems in order to achieve China's state interests in the region.

Key words: China, Russia, Japan, historical past, territorial dispute.